

ИРИНА ПРИВЕТ

A woman with long dark hair and headphones is shown in profile, looking towards a vintage microphone. She has bright red lipstick. The background is a dark cityscape at night with lights reflecting on water. A red "ON AIR" sign is visible in the upper right. On the desk, there is a control panel with buttons, a notebook with handwritten notes, and a pen.

С любовью,
ваша С.

18+

КАЖДУЮ НОЧЬ ОНА ГОВОРIT С ТЕМИ, КТО НЕ СПИТ.
НО КТО-ТО СЛУШАЕТ ЕЁ СЛИШКОМ ВНИМАТЕЛЬНО

Ирина Ниверт

С любовью, ваша С.

<https://litres.ru/74089744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой голос знают все, кто не спит по ночам. Ночное шоу, обычная жизнь и старый рыжий кот — всё, что у меня есть. Я думала, что мой голос ничего не решает. Но кто-то решил иначе.

Сначала в мою жизнь врывается Марк: такси, соседняя квартира, личное пространство. Слишком шумный, слишком наглый. Он бесит меня до ужаса, но я не понимаю, почему его голос — низкий, с трещиной — звучит так, будто я уже слышала его раньше.

Потом начинаются странные звонки и подарки, которые я не просила. Я не знаю, кто меня преследует и чего он хочет.

Но страшнее всего — я не знаю, кто такой Марк. Почему его появление совпало с угрозами? Почему он всегда рядом? Я чувствую, что он лжёт. И всё же он единственный, кто бросается меня защищать.

Ответов нет. Только старые тайны моей семьи, в которые страшно лезть. Мачеха, которая молчит о том, что случилось много лет назад. И эфир, который однажды спас человека, но, кажется, погубил меня.

Меня зовут Аня. И этой ночью я, возможно, умру.

С любовью, ваша С.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Ты ничего обо мне не знаешь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирина Ниверт

С любовью, ваша С.

Пролог.

– Как говорится, Москва никогда не спит. А вместе с ней и я. Для тех, кто только что к нам присоединился, напоминаю, что в студии ваша Сирена, и вы слушаете шоу «После полуночи».

Резким жестом нажимаю пару кнопок на микшере, делаю глоток чёрного кофе и продолжаю чуть охрипшим после целого дня в институте голосом:

– Сегодня мы говорим о звонках, которые так и не решились сделать. Все же знают это чувство, да? Набрали номер и почти решились позвонить. Но в последний момент трусили и остались сидеть одни в тёмной комнате. У меня, к примеру, так было миллион раз. Я ужасная трусишка.

Я чуть усмехаюсь и обвожу взглядом пустую студию. В такое время тут только я, за что мой начальник называет меня сумасшедшей.

Отключаю микрофон на пару секунд, давая городу переварить сказанное, и тут же мигает пульт: входящий звонок.

– У нас следующий гость. Да, вы в эфире.

Кто-то на том конце слушает и молчит. Я знаю этот тип

звонков. Ночью звонят, чтобы убедиться, что ты не один.

– Алло? Говорите громче, я вас почти не слышу.

– У тебя красивый голос, Сирена, – медленно произносит мужчина на том конце трубки, растягивая каждое слово. – Я слушаю тебя каждую ночь.

Я улыбаюсь в микрофон — привычка, выработанная за год работы. Слушатель не видит лица, но всегда слышит улыбку.

– Спасибо, это приятно. И о чём вы думаете этой ночью?

Я слышу, как он медленно выдыхает, будто отводит сигарету от губ. А может, просто тянет время.

– О тебе, Сирена. – говорит он и, прокашливаясь, добавляет. – И о том, как интересно всё устроено: вот ты живёшь, не замечаешь человека, а потом его голос начинает звучать в твоей голове каждую ночь. И однажды ты уже не можешь без него уснуть.

– Похоже на признание в любви к радио, - улыбаюсь я и наклоняюсь ближе к микрофону.

Он не смеётся. Продолжает тихо, почти задумчиво:

– Скорее к голосу. У тебя редкий тембр. Знаешь, бывают голоса, которые хочется слушать не ради слов, а ради того, как они звучат.

Я откидываюсь в кресле и смотрю на своё отражение в чёрном стекле. Губы всё ещё растянуты в дежурной улыбке, но пальцы чуть сильнее сжимают край стола. Надо вернуться к теме эфира.

– А вы сами – из тех, кто не делает звонки?

Мне на секунду кажется, что связь оборвалась. Но потом он произносит негромко, с какой-то странной интонацией:

– Нет. Я из тех, кто сначала долго слушает. А потом всё-таки набирает номер.

– И как часто вы это делаете? Звоните сюда, в прямой эфир?

– Впервые, – отвечает он. – До этого я просто... наблюдал. Слушал тебя каждую ночь.

Моё тело цепенеет, но я не подаю виду. Правила эфира: никогда не показывать, что тебя задела.

– Тогда добро пожаловать в эфир, таинственный незнакомец. Может, расскажете городу, о чём вы думаете в два часа ночи, кроме моего голоса?

Он молчит пару секунд, и я почти слышу, как он улыбается.

– Я думаю о том, что однажды ты услышишь мой голос не в трубке. А вживую. И тогда уже не сможешь просто выключить микрофон и уйти.

У меня пересыхает во рту. Я машинально тянусь к кружке с кофе.

– Это звучит как обещание, – говорю я, стараясь, чтобы голос оставался ровным.

– Это просто мысль, Сирена. Спокойной ночи.

Он кладёт трубку. Я моргаю пару раз и смотрю на пульт – лампочка входящего гаснет. В наушниках снова только я и

далёкий шум дождя за окном.

– Иногда наши слушатели знают о нас больше, чем мы о них, – возвращаясь в эфир я. – Что ж... давайте продолжим. Линия открыта, и я с нетерпением жду ваши звонки.

До конца эфира остаётся сорок минут. Я ставлю трек, откидываюсь в кресле и смотрю, как капли дождя ползут по стеклу, сливаясь в кривые дорожки. В наушниках играет что-то медленное, фортепианное, но я почти не слышу музыки. В голове крутится его голос и эта короткая улыбка, которую я не видела, но почувствовала.

Глава 1. Ты ничего обо мне не знаешь

– Пожалуйста, мы можем ехать чуть быстрее, – бросаю я на водителя умоляющий взгляд. – Я и так из-за учёбы ужасно опаздываю.

– Пробки, – пожимает плечами он. – Что я могу поделаться?

Проклятый дождь не заканчивается уже несколько часов, беспощадно заливая серые улицы столицы и заставляя немногочисленных прохожих прятаться под прозрачными козырьками остановок. Я сижу на заднем сиденье старенького эконом-такси, сжимая в руках платье Лизы, и провожаю взглядом еле ползущие рядом автомобили. Вечер пятницы и центр столицы – убийственное сочетание.

– Ты даже не представляешь, как я не хочу туда ехать... – ворчу я, обращаясь к телефону, лежащему на коленях.

– Ань, ну хватит ныть, – голос Лизы звучит устало. Видимо, мой двадцатый звонок за день её изрядно утомляет. – Отец у тебя один и у него не каждый день юбилей. Так что потерпишь пару часов.

– Ты знаешь, что дело не в отце, – сжимаю губы я.

– Да-да, – отвечает подруга, – Всё дело в его ужасной новой жене. Я слышала это миллион раз. Надевай уже платье.

– Я переоденусь там.

– Серьёзно? – усмехается она, – В туалете ресторана? Вот Вера будет счастлива.

– Оно неудобное! – я двумя пальцами поднимаю красную тряпку, – Оно всё липнет... И оно слишком... дорогое. Я чувствую себя самозванкой.

– Ты чувствуешь себя самозванкой в любом платье дороже трёх тысяч, – парирует Лиза. – Просто надень его и перестань париться.

Водитель – пожилой мужчина, с густыми обвисшими усами и тяжелым взглядом – снова бросает взгляд в зеркало заднего вида, и я крепче сжимаю в руках телефон.

– Слушайте, можете отвернуться пожалуйста? – сдаюсь я. – Я переоденусь...

– Здесь такси, а не примерочная, – усмехается он, но отводит глаза и перестраивается в крайний правый ряд.

Я вздыхаю и медленно стаскиваю свитер. Серая колючая шерсть цепляется за волосы, ещё больше запутывая мою и без того не самую прекрасную причёску.

– Я серьёзно, Лиз. Я не хочу туда... Все они будут фальшиво улыбаться, демонстрировать новые бриллиантовые украшения и обсуждать свои швейцарские счета. А я буду в твоём платье, которое стоит как моя квартплата за несколько месяцев. Это унижительно.

– Это не унижительно, это жизнь. И твой отец выбрал эту жизнь, а ты в свою очередь можешь хотя бы сделать вид, что

не презираешь его за это.

– Мне не нужны его деньги!

– Никто тебя не заставляет их брать, – выдыхает подруга в трубку.

– Вот именно! – я вскидываю руку, запутавшись в рукаве свитера. – Я ни копейки у них не взяла за последние два года. Ни на институт, ни на квартиру.

– Молодец-молодец, – хихикает Лиза. – Потом напишешь мемуары о том, как противостоять богатому папочке. А пока иди туда, улыбайся, съешь их люксовых канапе и свали через два часа. Я тебе позвоню, изобразим экстренную ситуацию.

– Отличный план, – я наконец снимаю свитер и остаюсь в одном чёрном лифчике из масс-маркета, который сейчас смотрится почти вызывающе просто.

Машина резко тормозит на светофоре и мой телефон с грохотом летит вниз.

– Чёрт, – качаю головой я и пытаюсь нащупать его под сиденьем.

Дверь распахивается и в салон врывается поток холодного влажного воздуха, запах дождя, дорогого парфюма и алкоголя. Я даже вскрикнуть не успеваю, как на соседнее сиденье плюхается молодой человек, насквозь мокрый.

– Какого хрена?! – ору я и прижимаю платье к груди. – Что вы творите?!

Незнакомец захлопывает дверь, отрезая шум ливня, и на секунду я слышу, как мерно тикают старые кварцевые часы

на моём запястье. Мужчина поворачивается ко мне — тёмные волосы прилипли ко лбу, капли воды стекают по острым скулам, зеленые глаза смотрят с каким-то ленивым, пьяным любопытством.

— Угомонись, а... — отвечает он, стряхивая воду с волос прямо на сиденье.

— Это моё такси! Вы что, не видите? Я здесь вообще-то переодеваюсь! Выйдите!

Он бросает на меня короткий взгляд и проводит ладонью по шее.

— Слушай, расслабься. Тут и смотреть-то не на что. Так что ты вполне можешь поделиться со мной такси. На улице, если ты не заметила, дождь.

Я распахиваю глаза. Не на что смотреть?! Я опускаю глаза на себя — обычный лифчик, обычная я, никаких модельных параметров, но всё же! Это просто хамство.

— Это ничего не меняет! Это моё такси, и я не обязана с вами его делить! Водитель, скажите ему!

Таксист оборачивается к нам, и я почти уверена, что сейчас он вышвырнет этого самодовольного идиота из машины. Но незнакомец небрежно бросает на переднее сиденье пару крупных купюр.

— Поехали.

Водитель замирает на пару секунд, потом виновато косится на меня в зеркало заднего вида и... послушно жмёт на газ.

— Стойте! Никуда мы не поедem! — начинаю натягивать

платье через голову я, путаясь в складках и подкладке, пытаюсь одновременно прикрыться. – Если вы не выйдете, я выйду сама.

Незнакомец поворачивается ко мне всем корпусом, и я замечаю, что он действительно пьян – не сильно, но достаточно, чтобы потерять остатки воспитания, если они у него вообще были. От него пахло виски и сигаретами, дорогой смесью, которая почему-то не вызывает отвращения, а только раздражает ещё больше.

– Правда? – наклоняется он ближе. – Ну, давай, выходи. Дождь, кажется, тёплый.

– Остановите машину! – водитель чуть притормаживает, и я тянусь к ручке двери, но в этот момент незнакомец бросает водителю ещё две купюры.

– Не останавливайся, едем куда ей там надо... – он машет рукой. – А потом меня отвезёшь.

Машина резко трогается и меня отбрасывает назад. Расстёгнутое платье сползает с плеча, и я машинально прижимаю руки к груди.

– Ань, ты ещё здесь? – слышу голос Лизы откуда-то снизу.

Незнакомец вскидывает брови и ловким движением поднимает мой телефон с пола.

– Анечка занята, – бросает он в трубку и отключается.

Я выхватываю смартфон из его рук и сжимаю с такой силой, что кажется еще секунда и я сломаю его пополам.

– Расслабься, - ухмыляется он и отворачивается к окну. – И платье надень наконец-то. Замёрзнешь.

– Да как ты смеешь?! – наконец застёгиваю я платье, – Ты даже не знаешь, куда я еду!

Он неспешно поворачивает голову. В полутьме салона его глаза кажутся почти чёрными.

– Мне абсолютно всё равно, — говорит он спокойно и краешек губ чуть заметно поднимается.

Эта улыбка – наглая, расслабленная, уверенная в своей вседозволенности. Боже, очередной богатый мальчик, привыкший, что мир вертится вокруг него. Такой же, как те, что сейчас собираются в «Турандоте» и будут смотреть на меня сверху вниз.

– Ты просто кретин, – выдыхаю я и откидываюсь на спинку сиденья.

– Я знаю, – соглашается он, доставая из кармана мятую пачку сигарет. – Закуришь?

– Что?! Нет! И не смей курить в такси!

– О, какая принципиальная. Ладно, не буду, – подмигивает он, – Только ради тебя.

Он убирает сигареты и смотрит на меня чуть наклонив голову на бок. Дождь за окном чуть стих, превратившись в ровную, монотонную дробь. Впереди, в жёлтом свете фонарей, уже виднеются очертания центра.

– Так куда мы едем, принципиальная незнакомка в красном платье? – спрашивает он и наклоняется чуть ближе ко

мне.

На секунду я вижу, как его взгляд меняется, а сам он чуть заметно краснеет. Или мне только кажется? В любом случае, общаться с ним у меня нет ни малейшего желания. Я прижимаюсь к окну и рассматриваю старое мамино кольцо на безымянном пальце.

– Понял, - усмехается он, – Красотка на разговор не настроена. Очень жаль, Анечка.

Моё имя он произносит нарочито медленно, растягивая по слогам. Я закрываю глаза. Раз, два, три. Вдох. Три, четыре, пять. Выдох.

Через несколько минут, которые тянутся мучительно долго, машина плавно останавливается около парадного подъезда «Турандота». Он сверкает золотом и хрусталем даже сквозь пелену дождя. Я прижимаю ладонь к шее и выдыхаю. Быстро хватаю клатч и распахиваю дверь, даже не глядя на своего непрошеного попутчика. Воздух врывается в лёгкие влажным холодом.

– Спасибо за компанию, – бросает он вслед.

– Пошел к черту! – говорю я, не поворачиваясь, и с силой захлопываю дверь.

Каблуки пронзительно стучат по мокрой брусчатке, ноги слегка подкашиваются. Холодные капли мгновенно забираются за воротник, стекают по позвоночнику, и я вздрагиваю. Главное оказаться внутри, в тепле, подальше от этого хама.

Я обхожу машину и же собираюсь сделать первый шаг на красную парадную дорожку, как вдруг сильные пальцы смыкаются на моём запястье. Рывок. Меня разворачивает, припечатывая спиной к мокрому такси. Дыхание перехватывает, когда незнакомец упирается ладонью в крышу прямо у моего виска, отрезая путь к бегству. Холод металла сквозь тонкую ткань платья обжигает лопатки, вода стекает по его лицу, скапливаясь в уголках губ. Я судорожно вдыхаю, чувствуя, как бешено колотится сердце, отдаваясь пульсацией в висках.

– Что ты... – начинаю я, но он наклоняется к самому уху. Горячее дыхание опалает влажную кожу, и по телу против воли бегут мурашки. Запах виски и чего-то пряного, древесного забивает ноздри.

– Анечка, – выдыхает он, почти касаясь губами моего виска. — Долго будешь строить из себя недотрогу? В этом платье... и с этими горящими глазами. Притворяешься, что ненавидишь деньги, а сама едешь в самое дорогое место в городе. Лицемерие тебе не к лицу.

Я упираюсь ладонями в его грудь и толкаю со всей силы. От неожиданности он отступает на шаг назад, прямо в лужу.

– Ты ничего обо мне не знаешь! – чеканю я каждое слово и чувствую, как щёки заливают жар. – И держись от меня подальше!

Я не бегу. Я иду быстро, но с достоинством, чувствуя, как его взгляд сверлит мне спину и как дрожат колени. Только

бы он не пошёл следом! Только услышав, как хлопает дверь такси, и машина отъезжает, я позволяю себе выдохнуть. Ладони сжимаются в кулаки, оставляя следы ногтей на бледной коже.

Ресторан встречает меня запахом трюфельного масла и смеси чего-то сладкого и ужасно дорогого. Огромные люстры переливаются тысячами огней, отражаясь в натёртом до зеркального блеска мраморном полу. Я одёргиваю красное платье, чувствуя, как влажная ткань противно липнет к бёдрам. Желудок сжимается в тугий узел.

– Анечка! – Вера материализуется из толпы гостей, сияя бриллиантами, как новогодняя ёлка. Её улыбка идеальна ровно настолько, чтобы считаться вежливой, и ровно настолько холодна, чтобы я не забывала о своём месте. — Какое... интересное платье. Одолжила у подруги?

Она целует воздух возле моей щеки, и я чувствую запах «Шанель» и лёгкого презрения. Меня передёргивает. Вера — женщина-статуя, высеченная из дорогого мрамора. Когда-то давно у нас была обычная жизнь: мама пекла шарлотку по выходным, отец чинил протекающий кран, а я собирала наклейки с феями. Маленькая квартира, старые обои в цветочек. Но мама умерла, а отец через год женился на Вере. И наш мир сжался, уместившись в её кошелёк. При мысли об этом в груди привычно заныло.

– Ты опоздала, – цедит Вера, поправляя безупречную укладку. – Отец заждался тебя.

– Пробки, – коротко отвечаю я, ища глазами папу. Пальцы нервно теребят край клатча.

– Так и скажи, что не хотела приезжать на юбилей к своему папочке, – раздаётся за моей спиной мягкий голос Кристины.

Кристина – моя так называемая сводная сестра. Высокая, худая, с острыми, как у матери, скулами и вечно недовольным лицом. Она обходит меня по кругу, как акула, и её губы кривятся в усмешке. У меня мгновенно потеют ладони, а по спине пробегает холодок.

– Боже, Ань, ты что, намочила подол? Это же натуральный шёлк. Хотя откуда тебе знать...

– Крис, не начинай, – тихо говорю я, чувствуя, как начинают дрожать руки.

– А что такого? – она театрально пожимает плечами. – Ты сама выбрала роль бедной родственницы. Могла бы жить с нами, носить нормальные вещи, но нет, принципы важнее.

Я встречаю её взгляд. Кровь приливает к лицу, в ушах начинает звенеть.

– Просто я не такая, как ты, – спокойно отвечаю я, хотя сердце колотится как бешеное, и меня слегка подташнивает.

– И слава богу, – фыркает она.

Я нахожу глазами отца. Он стоит у дальней колонны, окружённый мужчинами в идеальных костюмах, и выглядит...

уставшим, даже постаревшим. Он замечает меня и поднимает бокал, улыбаясь краешками губ. И на секунду я вижу не мужа богатой женщины, а своего папу – того, кто катал меня на плечах и рассказывал сказки на ночь. В носу предательски щиплет, к глазам подступают слёзы, и я быстро моргаю, прогоняя их.

Я делаю шаг к нему. Каблуки стучат слишком громко, отдаваясь гулом в висках.

– Пап! – зову я, стараясь придать голосу бодрости.

Он оборачивается, отставляя бокал, и приобнимает меня за плечи. От этого простого жеста у меня перехватывает дыхание.

– Анечка, я так рад тебя видеть, – говорит он тихо, почти шёпотом, пока гости вокруг гудят светскими разговорами. – Я знаю, ты это всё не любишь.

– Разве я могла пропустить твой юбилей, – улыбаюсь я, и мой голос звучит хрипло.

– Я это ценю, милая, – кивает он и легко касается моей руки. – Как дела на учёбе?

– Справляюсь.

– Это хорошо, – произносит он, – Ты не надумала переехать к нам?

– Пап, – закатываю глаза я, – Даже не начинай! Мы это обсуждали миллион раз.

– Знаю-знаю, – он трёт переносицу, избегая моего взгляда.

да. – Тебе не нравится Вера, но она правда не такая плохая, какой ты её себе представляешь. Она оплатила твой институт и твою съёмную квартиру. Она заботится о тебе, Анюта.

Сначала я просто перестаю слышать. Зал плывёт, голоса сливаются в один гул. Затем внутри что-то тяжело обрывается. Кровь отливает от лица, щёки и губы немеют. В ушах нарастает противный звон.

– Что... – выдыхаю я, и собственный голос доносится как сквозь вату. – Что ты сказал?

– Вера относится к тебе, как к дочери, – шепчет отец.

Мир раскалывается на тысячу осколков. Всё, во что я верила, на чём строила свою гордость, – рассыпается в пыль. Ноги становятся ватными, и я хватаюсь за край стола, чтобы не упасть. Перед глазами всё плывёт, и где-то на границе сознания я слышу звон бокалов и смех гостей. Вера, Кристина, отец – всё кружится, сливаясь в одно размытое пятно.

Неужели, все мои принципы, моя независимость – это всё ложь? Я жила на её деньги. А значит, я ничем не лучше тех, кого презирала много лет.

В голове будто что-то щёлкает. Так вот почему хозяйка квартиры — та самая странная старушка, которая показывала мне жильё пару лет назад — отказалась брать деньги. Она мялась, отводила глаза и говорила что-то про «уезжаю за границу» и «присматривай за квартирой и котом». Я тогда решила, что это судьба, что мне просто повезло. Идиотка.

– Анюта... – отец тянет ко мне руку, но я делаю шаг на-

зад. Каблук подворачивается, и острая боль простреливает щиколотку, возвращая меня в реальность.

Я судорожно запускаю руку в клатч и нащупываю там книгу — старенькое издание «Трёх товарищей», которое я нашла в букинистическом на Тверской. Отец любил Ремарка ещё в прошлой жизни, когда мы были просто семьёй, а не декорацией к чужому богатству. Книга стоила тысячу рублей — всё, что я могла себе позволить. И сейчас этот подарок кажется мне жалким, ничтожным, таким же фальшивым, как и вся моя гордость.

— Вот, — я почти вталкиваю книгу ему в руки. Пальцы дрожат, обложка скользит. — С юбилеем. Извини, бриллиантовых запонок не купила.

— Ань...

Я приподнимаюсь на носки и сухо целую его в щёку. От него пахнет дорогим парфюмом — тем самым, который покупает ему Вера. Даже запах у него теперь чужой.

— Мне нужно идти, — голос срывается на шёпот, в горле ком размером с кулак.

— Подожди, дочка, давай поговорим...

Но я уже разворачиваюсь. Гости вокруг превращаются в размытые цветные пятна: кто-то смеётся, кто-то звенит бокалом, где-то играет ненавязчивая музыка. А я практически бегу к выходу, чувствуя, как слёзы жгут глаза.

— Анечка! — голос Веры догоняет меня у самых дверей. Она возникает из ниоткуда и хватается меня за локоть. Её паль-

цы холодные и цепкие, как птичьи когти. – Анечка, ну что ты, в самом деле? Останься, поужинай с нами. Я заказала твоё любимое — помнишь, ты говорила, что любишь пасту с морепродуктами?

Она улыбается почти по-матерински. Но я вижу, как скользит её взгляд в сторону отца – она играет для него, чёрт возьми. Роль доброй мачехи перед своим мужем.

– Отпусти, – цежу я сквозь зубы. К глазам подступают слёзы, и я ненавижу себя за эту слабость. Одна слезинка всё-таки срывается с ресниц и катится по щеке, солёная и горячая.

– Ну что ты, милая, – Вера гладит меня по плечу, и от этого прикосновения кожа покрывается мурашками. – Мы же семья.

– Мы никогда не были семьёй, – мой голос дрожит, но звучит твёрдо.

Я вырываю локоть из её хватки, и Вера театрально вздыхает и прижимает руку к груди, изображая оскорблённую добродетель. Отец смотрит на нас издалека, и в его глазах – беспомощность пополам с отчаянием. Но он не двигается с места. Просто стоит и смотрит, как его дочь уходит из его жизни – во второй раз за этот вечер, и в который раз за последние годы.

Я толкаю тяжёлую дверь ресторана. Дождь почти закончился, теперь это просто морось, которая оседает на щеках и смешивается со слезами. Я иду вперёд, не разбирая дороги. Каблуки стучат по мокрому асфальту, сердце гулко отда-

ётся в груди. В голове одна мысль: надо поскорее вернуться домой. В мою маленькую квартирку на окраине. Где старый рыжий кот спит на подоконнике, а на кухне пахнет кофе и сушёной мятой.

Но уже в следующую секунду я останавливаюсь посреди пустой улицы. Пальцы леденеют, дыхание перехватывает. Моя ли это квартира?

Всё это – оплачено её деньгами. Куплено потому, что моя мама мертва... А я просто гостя, которую из жалости пустили пожить.

Я обхватываю плечи руками. Красное платье Лизы – чужое. Квартира – чужая. Институт – оплачен чужой женщиной. Даже моя гордость теперь кажется мне чужой и фальшивой. А что тогда моё? Что у меня есть?

Прислоняюсь к фонарю и чувствую, как холод забирается под мокрую ткань платья, как ноет затёкшая щиколотка, как гулко и тяжело бьётся сердце. Внезапно по спине пробегает холодок, и я чувствую на себе чей-то взгляд – тяжёлый, пристальный, почти осязаемый, – резко оборачиваюсь, но позади лишь пустая улица, мокрая брусчатка и резко отъезжающая машина такси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.